

УДК 81'373.47; 811.112.2'37
DOI: 10.17223/19986645/73/2

В.А. Ефремов

АФФЕКТОНИМЫ: СЕМАНТИКА, ПРАГМАТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ¹

С опорой на исследования современных восточноевропейских лингвистов впервые проведен анализ русских аффектонимов (ласкательных вокативов) как значимой части эмотивной лексики, речевого этикета и лингвокультуры. Исследование аффектонимов позволяет подробнее описать прагматическую специфику и оттенки эмоционально-оценочного значения обращений, а также выделить некоторые идиоэтнические особенности употребления подобных единиц, связанные как с системой языка и экстралингвистическими характеристиками коммуникации, так и с картиной мира в целом.

Ключевые слова: аффектоним, обращения, речевой этикет, диминутивы, лингвокультура

Первые десятилетия XXI в. в западной и российской лингвистике прошли под знаком исследования речевой агрессии, риторики ненависти, языка вражды, хейтерства, что было обусловлено актуальными социокультурными факторами. Когда лингвистическая мода на агональное в языке и коммуникации уходит, все чаще появляются работы, созданные в русле так называемой лингвистики примирения (Peace Linguistics), рассматриваемой как важная часть Peace Studies [1] и представленной работами таких ученых, как Д. Кристал, Г. де Матос, А. Кертис, П. Фридрих и др. (подробнее о концептуальном наполнении термина Peace Linguistics в современной лингвистике см. обзор [2]). Весьма показательной представляется часто цитируемая в западных исследованиях мысль Д. Кристала, сформулированная им еще на рубеже веков, о необходимости уточнения задач и подходов современных лингвистических исследований: «В 1990-е годы в обществе сформировалось мнение о том, что принципы, методы, выводы и направления применения лингвистики должны рассматриваться в качестве средств продвижения мира и прав человека на глобальном уровне. Этот подход предполагает необходимость развивать те языковые практики, которые способствуют уважительному отношению как к отдельным носителям языка, так и к языковым сообществам» [3. Р. 254–255].

Исторически первой формой реализации лингвистики примирения как гармонизирующей, устраняющей агрессию языковой практики, был речевой этикет, под которым традиционно понимают социально заданные правила речевого поведения людей в соответствии с их статусно-ролевыми и личностными отношениями в официальной и неофициальной обстановке

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-112-50096.

общения. В XXI в. в отечественной лингвистике появилось немало работ, объектом изучения которых становились разные аспекты речевого этикета: от учебников [4] и переиздания ставших классическими монографических исследований [5, 6] до фундаментального словаря русского речевого этикета [7].

Вместе с тем в поле зрения отечественных лингвистов практически не попадает такая разновидность коммуникативных единиц, как *аффектонимы* (лат. *affectus* ‘чувство, эмоции’ + греч. *ὄνομα* ‘имя, название’), под которыми подразумевается «обращение (слово или фраза), используемое в ситуациях близкого знакомства, чаще всего (хотя, возможно, не исключительно) в отношениях между супругами, любовниками и в отношениях родителей и детей» [8. S. 165]. Все возрастающий научный интерес к аффектонимам определяется и формирующейся в западной лингвистике исследовательской проблематикой интимного дискурса [9].

Термин *аффектоним* впервые появляется в лингвистических исследованиях в самом конце XX в. Важно отметить, что первоначально автор термина польская исследовательница Э. Вольнич-Павловска в серии работ [10, 11] противопоставила ласковые вокативы по критерию «системность / индивидуальность» и разделила их на две группы: *affectiva* (узуальные мелиоративные единицы типа *любимый, зайка, солнышко*) и *afektonimy* (уникальные, авторские, индивидуальные единицы типа *кукрыксик, карапузенчик, Дэдик, Сахин, Машушунечка*). Последние Э. Вольнич-Павловска называла также интимными именами, отдельно подчеркивая тот факт, что они являются редкими единицами и не включаются в общие словари. Однако современные восточноевропейские исследователи, в целом считая методологически это различие оправданным, убедительно доказывают через апелляцию к конкретному лексическому и коммуникативному материалу, что граница между аффективами и аффектонимами сильно размыта: так, существуют аффектонимы, которые невозможно однозначно отнести к имени нарицательному или имени собственному (например, появившийся, под данным Национального корпуса русского языка, в самом конце 1990-х гг. *масик* может быть как диминутивной формой мужского имени собственнoго (*Марк, Матвей, Моисей* или др.), так и дериватом от *масенький* (‘маленький’). Кроме того, известно, что словари славянских языков обычно не включают в свой состав уменьшительные формы второй и третьей степени деривации, что также затрудняет отнесение подобных диминутивных единиц к одной из двух вышеуказанных групп [12. S. 294].

Отечественные исследователи русского речевого этикета уже обращали внимание на то, что «социолингвистическое и культуроведческое исследование обращений охватывает, прежде всего, узуально закрепленные формы и употребления, *однако надо иметь в виду, что в речи возникает и множество окказиональных* (выделено нами. – В.Е.)» [4. С. 94–95]. По-видимому, уникальные, окказиональные аффектонимы (*аффективы* в концепции Э. Вольнич-Павловской) еще ждут своих исследователей.

В отечественном языкознании термин «аффе́ктомим» для обозначения особой формы обращений пока не используется (редчайшее исключение – работа о французском апеллятиве [13]), само это лингвистическое явление почти не изучается (см. работу по немецкому языку [14] и сугубо описательную работу [15]), в то время как в работах польских (см. обзор важнейших из них в [16]) и украинских [17–21] ученых аффе́ктомимы все чаще становятся объектом много- и разноаспектных исследований. В 2010 г. был опубликован первый в мире словарь аффе́ктомимов (более 500 единиц), созданный польскими учеными по результатам широкого интернет-опроса, в котором приняли участие более 1600 пользователей [22].

В Польше же проведено и несколько контрастивных исследований, в которых сопоставляются аффе́ктомимы разных, прежде всего славянских, языков. Так, на материале одного из опирающихся на интроспекцию опросов польско- и русскоязычных учащихся магистратуры были выделены самые популярные ласковые обращения: среди польской молодежи это *kochanie*, *skarbie*, *kotku*, *miśiu* (любимый, сокровище, котенок, мишка), у русских это *любимый / любимая и сердце* [23]. Интересно сопоставить эти данные, полученные польскими лингвистами, с результатами другого, социолингвистического эксперимента, проведенного среди русскоязычных студентов приблизительного того же возраста (студенты I–III курсов) в Мордовии в 2018 г.: «Респонденты используют в качестве обращения наименование предмета или явления реальной действительности с уменьшительно-ласкательным оттенком и без оттенка (*золотце, рыбка, киска, колбаска, матрешка, принц, принцесса, рыцарь, занозка* и др.). Все опрошенные указали, что называние тех или иных членов семьи носит позитивный характер, что является залогом оптимально доверительных отношений» [24].

Состоя в гипо-гиперонимических отношениях, аффе́ктомимы отличаются от обычных обращений как в семантическом, так и в прагматическом отношении. Во-первых, они актуализируются почти исключительно в близких, в основном двухсторонних отношениях, являясь составной частью герметичного языка пары (супруги, любовники, партнеры по жизни), семьи [25] или очень близких друзей. Хотя использование аффе́ктомимов может выходить за рамки этих отношений (в сторону более широкого круга), они, как правило, имеют гораздо более узкую область применения, чем обычные обращения, используемые в той или иной микро- или макросоциальной группе [26]. Имеются статистические данные, свидетельствующие, что 76% зафиксированных употреблений аффе́ктомимов ориентированы прежде всего на самых близких людей [20. С. 48]. Однако и в кругу близких коммуникантов, в который входят влюбленные (супруги), родители и дети, близкие и дальние родственники, друзья, заметна определенная иерархия в использовании аффе́ктомимов, что предопределено богатым спектром социально-психологических и коммуникативных ролей, всегда существующих в микрогруппах.

Во-вторых, аффе́ктомимы характеризуются сильным эмоциональным прагматическим зарядом и (даже в отрыве от контекста) прототипически

демонстрируют позитивное отношение адресанта, в то время как подавляющее большинство этикетных формул вообще и обращений в частности либо нейтральны [27], либо слабо эмоционально заряжены, рутинны [28], хотя, безусловно, наблюдаются и агрессивные формы обращений.

В-третьих, аффе́ктони́мы как лексико-семантическая группа весьма нестабильны и подвижны. Как следует из результатов анализа речевого материала, проведенного польскими исследователями [8, 10, 29], в лингвокультурах существуют единицы, которые постоянно, на протяжении многих десятилетий, если не веков, используются людьми, состоящими в близких отношениях (ср. в русском языке: *доченька*, *бабушка*, *счастье мое* и мн. др.), однако большая часть аффе́ктони́мов используется эпизодически, окказионально, в зависимости от параметров коммуникативной ситуации, известной только участникам взаимодействия. Кроме того, речевой этикет, как и сам язык, постоянно претерпевает изменения, и те аффе́ктони́мы, которые были возможны еще несколько десятилетий назад и могут сохраняться в речи представителей старшего поколения, могут стать причиной коммуникативного сбоя или даже конфликта. Ср. ироническое описание смены аффе́ктони́мов среди близких родственников под воздействием быстротекущей моды: «Я подошел к нему, шаркнул ногой и назвал его, как меня учили, *дорогим дядюшкой*. – Ah ça! – воскликнул он не без удивления и щелкнул у меня пальцем под самым моим носом. – Какой я тебе *дядюшка*? Вздор. Зови меня *mon cousin*. С этих пор я звал его не иначе, как *кузеном*» (М. Шагинян. Своя судьба).

В свое время немецкий лингвист Э. Лайзи соотнес специфику именования друг друга влюбленными с древней, магической функцией языка и мифологической верой в «магию имени»: «...человеческое имя стоит в центре круга магических представлений» [30. S. 27]. Выбор в каждой конкретной коммуникативной ситуации того или иного имени для возлюбленного позволяет перенастроить коммуникативные коды, добиваясь разнообразных прагматических эффектов. В этом смысле показательна переписка Л.О. Брик и В.В. Маяковского, в которой используются абсолютно уникальные обращения (аффе́ктони́мы в первоначальном значении этого термина), так, только в одном коротком письме находим несколько ярчайших примеров: «*Волосеночек мой!* Спасибо, за ласковое письмецо и за то, что думал обо мне в день моего рождения. <...> Люблю тебя, *Щеним!!* Ты мой? Тебе больше никто не нужен? Я совсем твоя, *родной мой детик!* Все-го целую. Лиля» (Письмо Л.Ю. Брик В.В. Маяковскому, середина ноября 1921 г.).

Анализируя ласкательные вокативы польского, французского, испанского и голландского языков, польские исследователи Я. Перлин и М. Милевская [8. S. 166–167] выделили следующие группы аффе́ктони́мов (польские и некоторые испанские примеры взяты из их статьи [8] и дополнены нами английскими и русскими лексемами):

1) названия животных и их частей тела (*kotku*, *kitten*, *gatita* ('котенок'), *киса*, *птенчик*, *хвостик*, *лапка*);

2) лексемы с архисемой 'счастье', 'любовь' (*kochanie, my love, amor* ('любовь'), *счастье мое*);

3) лексемы с архисемой 'ценное', 'дорогое' (*skarbie, my treasure, tesoro* ('сокровище'), *золотце, бриллиант*);

4) ласкательные номинации детей (*dzidziu, baby, bebé* ('детка'), *девчулька, малышка, крохотулька*);

5) названия небесных тел (*śloneczko, sunshine, sol* ('солнце/солнышко'), *звездочка, ясочка*);

6) растительная метафора (*kwiateczku, my flower, flor* ('цветочек'), *розочка, ягодка*);

7) гастрометафора (*cukiereczku, sweetie, bomboncito* ('конфетка'), *пирожочек, булочка*);

8) имена мифологических и сказочных персонажей (*anioleczku, (little) angel, angelito* ('ангелочек'), *богиня, муза, Венера, фея, перу*);

9) соматизмы (*serduszko, sweetheart, corazón / corazoncito* ('сердечко'), *носик, рученька*);

10) номинации высоких титулов (*księżniczka, (my little) princess, princesa* ('принцесса'), *князюшка, королева, герцогиня, царица*);

11) интеллектуальные, психические и телесные характеристики (*przystojniaku, handsome, guapo* ('красавчик'), *милашка, умничка, симпатяга*);

12) названия родственников (*matko, mummy, mami* ('мамочка'), *папенька, внученька, доченька, сыночек, родимый*);

13) лексемы с архисемой 'мужчина', 'женщина' (*dziewczynko, lass, chica* ('девушка'), *мужичок, старушечка, девонька*);

14) диминутивные формы собственных имен (*Petri, Pete, Pedrito* ('Петя'), *Валерочка, Катюша, Санечка*);

15) названия неясной этимологии (польск. *bromba* (выдуманный персонаж детской книги), исп. *arrobo* ('восторг'); *пусенька, аюшка, зазнобушка*).

Аффектонимы не только выражают эмоции говорящего, но и влияют на адресата, содержат в себе оценочное суждение – все это свидетельствует о том, что рассматриваемые единицы имеют значительный прагматический потенциал. Релевантным является анализ эмоциональной, экспрессивной и оценочной коннотаций как составных частей прагматического компонента значения аффектонимов. Бесспорно, экспрессивный компонент значения аффектонимов неотделим от эмоционального, поскольку они «выражают не только прагматическую установку говорящего на безусловное доведение до адресата значимых акцентов в речи, но неизбежно свидетельствуют об эмоциональном переживании им этих моментов» [31. С. 303]. Оценка, экспрессивность и эмоциональность находят отражение в каждом аффектониме и вызывают у собеседника тот или иной весомый прагматический эффект.

Некоторые аффектонимы как в западной, так и в отечественной этикетной традиции могут выступать в качестве важной части комплимента. Ценность комплимента как элемента речевой деятельности заключается в

том, что он закладывает основу эффективного общения, устанавливает хорошие отношения с адресатом, воздействует на него в пользу адресанта, настраивает на нужный лад, повышает самооценку как адресанта, так и адресата [32]. Нанизывание нескольких аффектонимов («Целую тебя всю, голубушка, красавица моя, солнышко мое. Еще и еще, крепко, крепко») (И. Ротин. Приговоренный к разлуке) эксплицирует высокий уровень эмоциональной тональности, передавая максимально положительное, любовное отношение адресанта к адресату.

Опираясь на труды польских и украинских исследователей, можно выделить разные типы коммуникативных реакций на аффектонимы, находящиеся внутри двух полюсов: от положительного до негативного реагирования как результата запланированного или незапланированного перлокутивного эффекта.

Украинская исследовательница О.И. Мокляк отмечает, что реакции на аффектонимы следует анализировать в двух планах: внешнем, поведенческом и внутреннем, психологическом. Поведенческие реакции могут быть эксплицированы вербально (репликами-ответами) и невербально (паралингвистическими средствами); поведенчески не выраженные – авторским описанием эмоционального состояния собеседника (речь идет о художественном изображении коммуникации) или во внутренней речи адресата [20]. Анализ данных Национального корпуса русского языка позволяет выделить, например, такие типы положительных реакций:

а) Аффектоним на аффектоним:

«– Танечка... – Мамочка, это моя дочка» (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого);

б) Ответные реплики с положительной оценкой:

«– О чем я хотел попросить вас, *папенька*... – вкрадчиво заговорил по-французски Левушка и запнулся. – Вперед знаю, – благосклонно улыбнулся отец и щипнул его ласково за ухо. – Все денежки свои промотал» (В.П. Авенариус. Юношеские годы Пушкина).

Разумеется, обращения, не соответствующие представлению адресата об их уместности, вызывают негативную реакцию, обусловленную различными причинами: неучетом социальных ролей, прагматики отношений, актуализацией в сознании говорящего и адресата различных значений в процессе восприятия одного и того же обращения: «АБ: – Впрочем, чего не надо, так это говорить о смерти. Это пижонство, *дорогой*. БА: – Обращение «*дорогой*» без всякого повода – это тоже пижонство. Какой я тебе на... *дорогой*! Когда ты меня ненавидишь. АБ: – Я тебя? Помилуй... (А. Битов. Мое сегодня, 29 июля 1962 года).

Негативное восприятие аффектонимов может быть выражено через переживания, ощущения адресата, но такое реагирование не всегда поддается стороннему анализу. Обычно собеседник выражает недовольство открыто – вербально или невербально. Отрицательный перлокутивный эффект может быть эксплицирован в ответных репликах следующих типов:

а) синтаксическая конструкция «Я не N», представленная рядом модификаций:

«– Как ты со мной разговариваешь, *детка!* Не слишком ли нагло? – *Не слишком. И я вам не детка*» (М. Петросян. Дом, в котором...);

б) императивные конструкции «*не называй(те) меня N*» и их модификации:

«– Понимаешь, *радость моя...* – *Только не называй меня своей радостью*, как эту консержку, а то я решу, что ты – Филипп» (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын);

в) высказывания с семантикой враждебности:

«Настя, *доченька*, что ж ты делаешь, а? – Тамара Матвеевна попыталась дотронуться и до нее, но Настя дернулась всем телом. – *Нет, это вы что делаете?!*» (С. Шикера. Выбор натуры).

Невербальными знаками позитивного восприятия аффектонимов могут быть кинестетические (мимические и жестовые признаки радости), проксемические (сокращение дистанции между коммуникантами), такесические (объятия, поцелуи) и звуковые (плач от умиления, смех).

Если анализировать контексты употребления аффектонимов в классической и современной русской литературе (по данным Национального корпуса русского языка), то недовольство выбранным в свой адрес обращением адресат демонстрирует в основном вербально, реакции невербального характера встречаются гораздо реже.

Итак, существуют положительные и отрицательные реакции на употребление аффектонимов. Реакции на них могут быть выражены как лингвистически, так и паралингвистически. При анализе коммуникативного успеха и избегания коммуникативных неудач необходимо учитывать отношения между собеседниками, а также саму коммуникативную ситуацию, в которой они находятся.

Анализируя реальную и художественно реконструируемую практику использования ласковых вокативов, можно сделать вывод, что эмоционально-оценочные оттенки их значений весьма вариативны, что можно проиллюстрировать, например, контекстами употреблений аффектонима *голубчик* в русской литературе XX в.:

симпатия: «– Я к вам по-соседски, – сказал он. – Выручайте, *голубчик*, а то прямо не знаю, что и делать. Пропала моя родительница. Вчера после обеда вышла подышать воздухом и с той поры не возвращалась» (Л. Юзефович. Дом свиданий);

фамильярность: «Ганс, иди-ка, *голубчик*, погуляй по саду. Сними эти доспехи, сейчас и без того жарко... – Она провела рукой по моему лбу. – Вон как ты вспотел!» (Ю.О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом);

снисходительность: «Гость сочувственно положил руку на плечо бедного поэта и сказал так: – Несчастный поэт! Но вы сами, *голубчик*, во всем виноваты. Нельзя было держать себя с ним столь развязно и даже наглова-то. Вот вы и поплатились» (М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита);

ирония: «Над моими сомнениями по поводу научного и практического коммунизма он просто смеялся, считая, что они от невежества. – Вы, *го-*

лубчик, – иронизируя надо мной, он всегда меня называл голубчиком, – сначала почитайте Маркса, Энгельса, Ленина, потрудитесь вникнуть в суть их размышлений, а потом будете спорить» (В. Войнович. Монументальная пропаганда);

мягкий упрек: «– Старина Канопус, – объяснила с восторгом П. П., – последнее время бзикнулся на знаковых системах... – Молодец старина Канопус, – похвалил К. М. – Сплетите ему венок из пальмы первенства. – Обойдется фикусом, – парировала П. П. – А вы, *голубчик*, – издевательски-просительным голосом продолжала она, – вы пораскните-ка своим могучим радио... Подбросьте восьмушку мыслишек про знаковые системы, чтоб я могла уесть этого проклятого энциклопедиста» (И. Адамацкий. Утешитель);

агрессия: «В первый же рабочий день к новому заведующему наведалься Паровоз. – Давайте знакомиться, – сказал он и выложил на стол аккуратную пачку банковских билетов достоинством в сто рублей. Сумасшедший сказал: – Уберите свои деньги и подите, *голубчик*, вон. – А если ты будешь кобениться, сучонок, то я тебя замочу! Сумасшедший сказал: – Значит, такая моя судьба (В. Пьецух. Русские анекдоты).

Широкий прагматический потенциал аффектонимов, безусловно, предопределен доминирующей ролью коннотации в их семантической структуре. Коннотативный макрокомпонент ласкательных вокативов можно представить как совокупность тесно связанных между собой микрокомпонентов: эмоционального, экспрессивного и оценочного. Эти прагматично нагруженные элементы, с одной стороны, эксплицируют отношение говорящего к адресату, что отражено в ряде оттенков эмоционально-оценочного значения аффектонимов, с другой – способствуют достижению желаемого перлокутивного эффекта.

Итак, как отмечал В.Е. Гольдин, обращения – это одно «из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения» [6. С. 29]. Среди универсальных характеристик аффектонимов можно выделить следующие: (1) высокая степень экспрессивности (иногда выявляемая уже в только диахроническом аспекте); (2) мелиоративность; (3) эмоциогенность; (4) широкий спектр прагматических значений; (5) реализация фатической и апеллятивной функции языка.

В связи с практически полным отсутствием работ, посвященных отдельному, самостоятельному анализу ласкательных вокативов русского языка, представляется интересным исследовать специфические особенности именно русских аффектонимов в лингвокультурологическом аспекте: как известно, представители «русского стиля вербальной коммуникации» «демонстрируют значительную степень близости в вербальном контакте» [33. Р. 429], которая далеко не в последнюю очередь и определяется выбором такого фатического средства, как обращение.

Русские аффектонимы – это прежде всего имена нарицательные (и их сочетания с притяжательными местоимениями типа *солнце мое, наш кра-*

савчик), хотя особую для русского речевого этикета роль играют разнообразные диминутивные формы имен собственных (об именах собственных в аспекте диминутивов см., например, классическую работу Д. Джурафски [34], об уменьшительно-ласкательных формах русских имен – отдельное исследование А. Вержбицкой [35], а также недавнюю коллективную монографию «Unconventional Anthronyms» [36]). Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и такое специфически русское грамматическое явление, как второй звательный падеж [37].

Самостоятельной проблемой отечественной лингвистики становится лексикографическая интерпретация обращений [38], в том числе и аффектонимов: «В общем и целом в толковых словарях при описании обращений компоненты речевой ситуации (фактор адресанта, фактор адресата, обстановка, тональность, способ общения, иллокутивная цель) так или иначе находят отражение. Однако в конкретных словарных статьях сведения эти часто представлены неполно и непоследовательно. Например, слово *дружнице* толкуется следующим образом: **Дружнице**, -а, м. Разг. Дружеское обращение к кому-л. (МАС: т. 1, с. 449). Такое толкование не учитывает важнейших параметров описания обращений, прежде всего факторов адресанта и адресата, соответственно, не определяет правил его узуального употребления» [39. С. 16].

Несмотря на то, что в отечественной лексикографии пока отсутствуют словари аффектонимов, некоторое, в первом приближении представление о составе этой группы можно получить, анализируя данные «Словаря русского речевого этикета» А.Г. Балакая: подраздел «Обращения, включение внимания» содержит 1789 лексем, из которых к ласковым вокативам относятся не менее 1030 [7. С. 592–610].

Итак, используя в качестве материала исследования данные словаря А.Г. Балакая и Национального корпуса русского языка, охарактеризуем ряд наиболее ярких особенностей русских аффектонимов – от системы языка через коммуникацию к картине мира, от системных (словообразовательных) и функционально-коммуникативных (ироническая оценка и гендерная спецификация) к собственно лингвокультурологическим (отражение эпохи и традиционной языковой картины мира).

Наиболее яркая идиоэтническая особенность русских аффектонимов, предопределенная самой системой языка, – **богатая деривация**. Множество ласкательных вокативов образуется с помощью диминутивных суффиксов, среди которых особняком стоят малопродуктивные, сугубо экспрессивные суффиксы, не выражающие уменьшительность: *-ан(я)*, *-аш(а)*, *-еньк(а)*, *-ушк(а/о)*, *-оньк(а)*, *-он(я)*, *-ул(я)*, *-ун(я)*, *-ус(я)*, *-уш(а)*, *-ушек*: «...использование большинства из этих суффиксов сейчас ограничено в основном обращениями в языке влюбленных, членов семьи, нянь, гипокористическими именами собственными: *Катенька*, *Никитушка*, *лапушка*, *детонька*, *кисонька*, *кисуля*» [40. С. 69].

В системе русских ласкательных вокативов выделяется словообразовательное гнездо *брат-*, включающее в себя, по данным «Словаря русского

речевого этикета» А.Г. Балакая, не менее 55 литературных, диалектных, просторечных, жаргонных и жаргонизированных номинаций: *братак, братан, братанушко, братанчик, братанька, братаня, братаха, браташ, браташа, братейка, братейко, братейник, брателка, брательник, братена, братенек, братеник, братенко, братень, братенька, братеня, братец, братечек, братечко, братик, братику, братило, братич, братичка, братиш, братишечка, братишечко, братишка, братишко, братище, братка, братке, братко, браток, браточек, браточка, братулька, братулюшка, братуня, братуха, братуша, братушка, братченька, братчик, братька, братьюшка, братюн, братяга, братяха и брат-паря* [7].

Этот синонимический ряд демонстрирует широкую палитру коннотаций и потенциально может использоваться едва ли не в любых коммуникативных актах, выражая снисходительность, фамильярность, сочувствие и иные оттенки эмоционально-оценочных значений. Полагаем, что такое богатство дериватов именно этого корня неслучайно: для русского традиционного (патриархатного) общества актуализация, пусть и метафорическая, между коммуникантами родственных связей имеет значение. Стоит подчеркнуть и гомогендерный, сугубо маскулинный (от мужчины к мужчине) характер дискурсивного использования большинства названных единиц.

(Еще одним доказательством андроцентричности русского языка может стать и следующий факт: по данным того же словаря А.Г. Балакая, в русском языке для обращения к бабушке зафиксировано лишь 20 дериватов корня *-баб-*, к матери – 29 аффектонимов с корнем *мам-*.)

Иногда прагматический эффект аффектонима может усиливаться фонетическими изменениями лексемы, создающими аллюзию на детский язык, например: «...здоров ли ты, моя радость; весел ли ты, моя прелесть – помнишь ли нас, друзей твоих (мужеского полу) <...> ... напишешь ли мне, мой *холосенький*. Поговори мне о себе – о военных поселениях. Это всё мне нужно – потому, что я люблю тебя – и ненавижу деспотизм. Прощай, лапочка» (Письмо А.С. Пушкина П.Б. Мансурову от 27 октября 1819 г.).

В этом же примере отражена и другая важная функционально-коммуникативная особенность русских аффектонимов – **создание иронии**. Семантическое наполнение вокатива максимально зависит от коммуникативных намерений говорящего: значение одного и того же аффектонима определяется интонацией, чувствами и оценками адресанта, тем, как и при каких обстоятельствах оно используется: «Обращение в функциональном отношении действенно. Оно, с одной стороны, позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи. С другой – в аппелятиве часто выражается отношение говорящего к адресату» [41. С. 115].

Ирония как особый вид прагматического воздействия может создаваться аффектонимами, которые способны актуализировать шуточные обертоны значения: «– Вот, *голубчики*, краткая и поучительная история всех «романистов», – заключил сидевший с нами пожилой инженер, всегда спокойный, ровный, не терявший и в тюрьме юмористического отношения к

окружающему, хотя он уже больше года мыкался в тюрьме» (В.В. Чернавин. Записки «вредителя»). В каком-то смысле использование исторически мелиоративных аффе́ктивных в ироническом ключе отражает известную особенность эволюции лексической системы и языка вообще, сформулированную в середине XX в. Г. Барнеттом: «Никакие инновации не возникают из ничего; у них должны быть предшественники, и их всегда можно отследить при условии, что имеется достаточно данных для анализа. Следовательно, инновация – это новая комбинация чего-то, а не ощущение, что это что-то возникает из ничего» [42. Р. 181].

Сама по себе ироническая тональность ни в коем случае не противоречит природе аффе́ктивных и может сопровождать самые высокие чувства влюбленности и обожания: «*Мой ангел*, я писал тебе сегодня, выпрыгнув из коляски и одурев с дороги. <...> Вечер у Нащокина, да какой вечер! шампанское, лафит, зажженный пунш с ананасами – и всё за твоё здоровье, *красота моя*. <...> Ух, *женка*, страшно! теперь следует важное признание. <...> Ты спросишь: хороша ли городничиха? Вот то-то, что не хороша, *ангел мой Таша*, о том-то я и горюю. <...> Ты видишь, что несмотря на городничиху и её тетку – я всё ещё люблю Гончарову Наташу, которую заочно целую куда ни попало. *Addio mia bella, idol mio, mio bel tesoro, quando mai ti rivedro*» (Письмо А.С. Пушкина Н.Н. Гончаровой от 2 сентября 1833 г.).

Однако в некоторых случаях употребление старинных, характерных для речевого этикета XIX в. аффе́ктивных может привести не только к коммуникативной неудаче, но и к тому, что в современных исследованиях называется «антиэтикетные трансформации формул, характерных для речевого этикета в XIX веке» (концепция А.А. Баталова, Н.Л. Огуречниковой [43]): «У нас была одна знакомая, юная женщина замужем за пожилым человеком. Она была так внешне старомодна и придерживалась настолько устаревшего стиля, что Валя, старше её лет на тридцать, безуспешно призывала: – Ниночка, *душечка*, да срезьте вы наконец эти букли к чёртовой матери» (С. Спивакова. Не всё).

Обычно всё же близкие коммуниканты, употребляя аффе́ктивы, пытаются создать благоприятную, доброжелательную атмосферу, поэтому лишь изредка используют подобные коммуникативные единицы для того, чтобы выразить свое негативное отношение к собеседнику.

В некоторых лингвокультурах (например, англоязычной или китайской) гендерная акцентуация аффе́ктивных выражена слабо, так как многие подобные единицы могут быть употреблены в адрес и мужчины и женщины (ср., например, гендерно нейтральные *dear, darling, honey*, 亲爱 (‘дорогой / дорогая’)). Русские аффе́ктивы сильнее **гендерно маркированы** хотя бы потому, что использование в качестве (или в составе) вокатива таких прилагательных, как *благословенный / благословенная, дорогой / дорогая, любименький / любименькая* и мн. др., облигаторно предполагает выбор мужского или женского грамматического рода в зависимости от гендера адресата.

Интересно, что существует несколько десятков аффектонимов, которые, по данным Национального корпуса русского языка, на протяжении последних двух веков могли или могут употребляться в межгендерной коммуникации обоюдноравноправно (от мужчины к женщине и от женщины к мужчине), правда, необходимо учитывать, что в некоторых случаях речь идет о коммуникации исключительно с детьми, например: *ангел, ангелочек, головушка, голуба, детка, детонька, деточка, дитяtko, дружочек, дурашка, душа, душенька, душечка, душка, зайнышка, зайка, золотко, золото, золотце, котеночек, котик, кровиночка, кровинушка, крошечка, крошка, лапа, лапонька, лапочка, лапушка, малышка, малютка, малюточка, паинька, птенчик, пусенька, роднуля, рыбка, светик, сердечко, сокровище, солнце, солнышко, соседюшка*. Можно предположить, что некоторые из приведенных аффектонимов утратили гендерную (и даже возрастную) маркированность в ходе эволюции русского речевого этикета: степень их гендерной маркированности в истории языка и культуры – предмет отдельного интересного исследования.

Кроме того, гендерная специфика русских аффектонимов сказывается и в их употреблении и восприятии. Польские исследователи установили, что список наиболее популярных ласковых вокативов напрямую зависит от гендерной принадлежности коммуникантов: списки употребляемых и ожидаемых в свой адрес ласковых аффектонимов у мужчин и женщин отличаются [44]. Восприятие любых обращений респондентами детерминировано гендерными особенностями и гендерными стереотипами коммуникативного поведения, например сдержанностью, характерной для маскулинной коммуникации, и эмоциональностью, присущей женской речи.

Аффектонимы эксплицируют не только гендерную составляющую коммуникации, но и **специфику речевого этикета того или иного конкретного периода**. В продолжающем идеи известного канадского социолога И. Гоффмана кросс-культурном социолингвистическом и отчасти антропологическом исследовании П. Браун и С. Левинсона, посвященном лингвистическим аспектам вежливости, сформулирована интересная мысль о том, что «этикетные формулы представляют собой важный, центральный элемент наивных представлений об этикете и о различии между личным тактом и «позиционной» вежливостью» [45. Р. 43]. В этом смысле использование аффектонимов крайне важная сторона речевого этикета, в которой, несомненно, реализуются представления адресанта о такте и вежливости в самой интимной сфере общения.

Например, в диахроническом аспекте использование диминутивов в апеллятивной функции – старинная форма русского речевого этикета, не только устного, но и письменного. Исследователями уже отмечалось, что в русском эпистолярии XVII в. можно обнаружить такую интересную черту, как использование в деловой переписке диминутивов в форме обращений, но не в качестве аффектонимов(!): «...они служили средством выражения уважения пишущего к адресату письма. Наименования лиц, обладающие оттенком ласкательности, употреблялись почти всегда вместе с именем

адресата. За их посредством авторы писем уместно выражали свою благодарность и подчеркивали свое положительное отношение к лицу, к которому обращались, и к его родственникам: А похощь *гсдрь мои батюшка* ведат <...> про здорове гсдря моего дедушка Ивана Федоровича (МДБП 25); Умилосердися *гсдрь дядюшка Андреи Иличь* вели записат челобитье (ПРНЯ 31)» [46. С. 132]. В связи с этим интересны рассуждения И.В. Фуфаевой о различных функциях употребления этикетных диминутивов в разных типах дискурсов в современном этикете: в равноправной коммуникации диминутивы выражают учтивость и вежливость, в иерархической – «заискивание, подoboстрaстие, задабривание» [47. С. 105].

Привычные современному носителю русского языка и культуры формы взаимодействия в самом тесном социальном круге (семье) также когда-то могли иметь иные способы вербализации. Как убедительно доказано в недавнем исследовании [48], лексема *мама* и ее производные до конца XVIII в. практически не использовались в привычной для современника функции аффе́ктонима и вообще почти не относились к матери, а если и использовались в функции обращения, то прежде всего к кормилицам и нянькам (и даже надзирательницам над ними!). Современное же использование лексемы *мама* в качестве аффе́ктонима к родительнице фиксируется в русской словесности впервые в речи простолюдинов: «Бросясь на шею сына, я мальчишку задавила бы, если бы у меня его не отняли. «Мне ничего, *мама*, я здоровехонек! Но жаль, если не оживет мой спаситель!» – указывая на писаря, сказал мне Володя. Тут я узнала, что сын мой, не умея плавать, зашел далеко, попал в яму, выбился из сил и уж скрылся под водою...» (И.Н. Скобелев. Рассказы русского инвалида (1838–1844). Более того, долгое время в дворянской среде аффе́ктоним *мама* произносился на французский лад, с ударением на последний слог [49], что также служит отражением специфики речевого этикета XIX в. и что важно учитывать как в лингвокультурологическом аспекте, так и в аспекте восприятия художественных текстов ушедшей эпохи. Интересен и тот факт, что «слово *маменька*, которое выглядит как производное от *мама*, стало активно использоваться в значении ‘мать’ раньше, чем *мама*» [48. С. 92].

Безусловно, идиоэтническая особенность аффе́ктонимов любого языка, в том числе и русского, связана с **отражением традиционной языковой картины мира**. Как было отмечено выше, часть русских аффе́ктонимов имеет затемненную внутреннюю форму, что создает особый научный интерес для специалистов. Зачастую происхождение и варианты употребления в прошлом того или иного элемента речевого этикета для современных носителей языка, привыкших пользоваться ими автоматически, неосознаваемы, хотя при более пристальном анализе позволяют вскрыть определенные пласты лингвокультуры (ср. хрестоматийный сюжет о происхождении и рецепции современным человеком лексемы *спасибо*, практически полностью утратившей в литературном языке и повседневном этикете религиозные коннотации).

В качестве иллюстрации того, как аффе́ктоним отражает фрагменты за бытой ныне народной картины мира, можно привести следующий пример.

В критическом разборе нового академического словаря В.В. Виноградов отдельно останавливается на лексикоографировании слова *лапушка*, критикуя словарную традицию его подачи в качестве сугубо «ласкового обращения». Эта традиция восходит к словарю В.И. Даля, который первым интерпретировал и описал слова *лапушка* и *лапочка* как диминутивные образования от *лапа*. Однако, по мнению академика, если обратиться к работам этнографов и фольклористов конца XIX – начала XX в., то не останется никаких сомнений в том, что *лапушка* – это результат весьма характерной для традиционной (в первую очередь крестьянской) картины мира метафоризации ‘человек – растение’ и ее частного варианта ‘девушка – цветок’. Одно из диалектных значений слова *лапушка* – это ‘клевер’, цветы которого в фольклоре описываются разнообразными оттенками красного цвета. Следовательно, В.В. Виноградов реконструирует следующую семантическую эволюцию слова: «...красный цвет ассоциируется в представлении народа с образом женщины <...> *лапушка* стала символом женщины, а затем потеряла в некоторых местах свое первоначальное значение и сделалась ласкательным словом» [50. С. 15].

В некоторых случаях мертвая внутренняя форма аффектонима может быть связана с ареалом заимствования и языком-источником. Так, гендерно обоюдно лексема *пайнька* также относится к группе названий неясной этимологии, на что напрямую указывает историко-этимологический словарь: «**Пай** – «хороший, послушный, образцовый ребенок». **Пайнька** – тж. только русское, сначала (в XIX в.) м. б., даже только петербургское. Ср. у Даля (III, 5): **пай**, **пайнька** – петерб., чухонск. «умник», «послушный (говор. дитяти). <...> Даль, надо полагать, был прав, указывая на финский источник этого несомненно заимствованного слова. Ср. с фин. детск. *rai* – «послушный»; ср. *raija* – «игрушка», *raijata* – «ласкать» (ребенка) и др.» [51. Т. 2. С. 615]. Необходимо отметить, что затемненная внутренняя форма аффектонима никак не мешает его употреблению в повседневной приватной коммуникации.

Итак, в современных восточноевропейских исследованиях достаточно хорошо проанализирована прежде всего коммуникативная природа аффектонимов, которые, несмотря на ярко выраженную интимность, маркируют не только узкий круг близких людей (влюбленные, супружеские пары, родители и дети), но и повседневные речевые взаимодействия между знакомыми и (иногда) незнакомыми людьми, направленные прежде всего, хотя и не исключительно, на формирование благоприятного фона доверия и взаимопонимания.

Однако в результате проведенного исследования можно утверждать, что аффектонимы как часть языковой системы и речевого этикета позволяют исследовать их и в более широком, лингвокультурологическом аспекте с целью выявления в них отражения идиоэтнической специфики той или иной языковой картины мира. Так, представленный анализ русских аффектонимов эксплицирует такие особенности русской лингвокультуры и коммуникации, как любовь к диминутивам, ироническая тональность коммуникации и гендерная спецификация фатических средств, текучесть и

хронологическая маркированность речевого этикета, а также его глубинная связь с традиционной, народной картиной мира.

Когда в начале XXI в. основатель лингвистики примирения (Peace Linguistics) Гомес де Матос ввел в науку понятие «коммуникативное умиротворение (communicative peace)», он определил его как «конструктивное общение в духе человеческого достоинства» [52. Р. 343]. Думается, что дальнейшие исследования аффектонимов можно продолжать не только в лингвокультурологическом или функционально-коммуникативном аспекте, но и под знаком лингвистики, направленной на гармонизацию межличностных отношений.

Литература

1. *Friedrich P.* English for peace: Toward a framework of peace sociolinguistics // *World Englishes*. 2007. № 26 (1). P. 72–83.
2. *Curtis A.* Re-defining Peace Linguistics: Guest Editor's Introduction // *TESL Reporter*. 2018. № 51 (2). P. 1–9.
3. *Crystal D.* A dictionary of language. Chicago : The University of Chicago Press, 1999. 390 p.
4. *Формановская Н.И.* Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Русский язык, 2002. 216 с.
5. *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М. : URSS : КомКнига, 2006. 160 с.
6. *Гольдин В.Е.* Обращение: теоретические проблемы. М. : URSS, 2009. 136 с.
7. *Балакай А.Г.* Словарь русского речевого этикета. М. : АСТ-Пресс, 2001. 672 с.
8. *Perlin J., Milewska M.* Afektonimy w polskim, francuskim, hiszpańskim i niderlandzkim. Analiza morfologiczna i semantyczna // *Acta Universitatis Wratislaviensis. Język a kultura*. T. 14. Wrocław, 2000. S. 165–173.
9. *Clancy B.* Investigating Intimate Discourse: Exploring the spoken interaction of families, couples, and friends. L. : Routledge, 2016. 194 p.
10. *Wolnicz-Pawłowska E.* Przejwiska intymne w najnowszej polszczyźnie. Cz. 1. Affectiva // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie* 7. *Prace Językoznawcze*. 1997. Z. 1. S. 71–93.
11. *Wolnicz-Pawłowska E.* Przejwiska intymne w najnowszej polszczyźnie. Cz. 2. Afektonimy i przezwiska rzadkie. Cz. 3. Słowotwórstwo // *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie* 12. *Prace Językoznawcze*. 1998. Z. 2. S. 102–114.
12. *Wojciechowska A.* Afektonimy jako przedmiot badań lingwistycznych (na materiale listów Wojciecha Kossaka do żony) // *Stylistyka XXVI*. Zielona Góra, 2017. S. 291–304.
13. *Ларченко Е.В.* Обращение и призыв как речевые акты (на материале французского языка) // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. Филологические науки. 2015. № 5. С. 125–130.
14. *Трофимова Н.А.* Ласкательные вокативы: деривационный аспект // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2014. № 1. С. 95–103.
15. *Леонтьева Л.Е.* Эмоционально-оценочная характеристика вокативных высказываний в дискурсе // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 3 (218). Филология. Искусствоведение. Вып. 50. С. 89–92.
16. *Марлена А.С.* У любви не одно имя: об аффектонимах в языке русской и польской молодёжи : магистерская диссертация. Сосновец, 2017. 125 с.
17. *Григораш С.М.* Лексика інтимної сфери життя людини (номінації осіб): структурно-семантичні особливості // *Вісник Житомирського державного університету. Філологічні науки*. 2013. Вип. 6 (72). С. 261–265.

18. *Mygovych I.V.* Secondary nomination in the modern English language: affective lexical units // Вісник ЛНУ імені Тараса Шевченка. 2013. № 3. С. 206–214.
19. *Гнат Н.Г.* Аффектоніми в спілкуванні закоханих: засоби вираження та особливості вживання (на матеріалі епістолярію українських письменників ХХ століття) // Тези доповідей VII Регіональної наукової конференції. Харків : ХНУ ім. В.Н. Каразіна, 2014. С. 12–14.
20. *Мокляк О.И.* Лінгвопрагматичні характеристики українських аффектонімів: дис. ... канд. філол. наук. Київ, 2015. 283 с.
21. *Мокляк О.И.* Морфологічні засоби посилення впливового ефекту аффектонімів // Лінгвістичні дослідження. Полтава, 2017. Вип. 45. С. 91–96.
22. *Bańko M., Zygmunt A.* Czułe słowa. Słownik afektonimów. Warszawa, 2010. 152 s.
23. *Rudyk A.* O afektonimach w języku polskim i rosyjskim // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia Linguistica Rossica 9. 2013. S. 89–98.
24. *Мосолова Г.П.* Проблема выражения обращений в условиях современной речевой действительности // Актуальные проблемы современной методики преподавания русского языка в школе и вузе. Саранск, 2018. С. 308–312.
25. *Рисинзон С.А.* Система этикетных действий семейного общения // Филология и человек. 2009. № 3. С. 29–36.
26. *Staroń J.* Afektonimy w najnowszej polszczyźnie // Roczniki Humanistyczne. 2013. T. 61. Z. 6. S. 109–119.
27. *Cieslikowa A.* Miejsce przezwiska w systemie antroponimicznym (historia a współczesność) // Przewiska i przydomki w językach słowiańskich. Cz. 1. Lublin, 1998. S. 71–80.
28. *Glušac M., Mikić Čolić A.* Linguistic functions of the vocative as a morphological, syntactic, and pragmatic-semantic category // Jezikoslovlje. 2018. № 18. S. 447–472.
29. *Olma M.* Językowo-kulturowy obraz arystokratycznej rodziny polskiej drugiej połowy XIX wieku na podstawie korespondencji rodzinnej Heleny i Mieczysława Pawlikowskich. Kraków, 2014. 326 s.
30. *Leisi E.* Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung. Heidelberg: Quelle und Meyer, 1978. 167 s.
31. *Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики. СПб. : Научный центр проблем диалога, 1997. 720 с.
32. *Брутян Л.Г.* Культурный код комплимента // Когниция, коммуникация, дискурс. 2014. № 8. С. 8–19.
33. *Shmelev A.* Russian language-specific words in the light of parallel corpora // Meaning, Life and Culture in conversation with Anna Wierzbicka / ed. by H. Bromhead, Zh. Ye. ANU Press, 2020. P. 403–421.
34. *Jurafsky D.* Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive // Language 1996. Vol. 72, № 3. P. 533–578.
35. *Wierzbicka A.* Personal names and expressive derivation // Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations. New York : Oxford University Press, 1992. P. 225–307.
36. *Unconventional Anthroponyms: Formation Patterns and Discursive Function* / ed. by O. Felecan, D. Felecan. Cambridge, 2014. 521 p.
37. *Janda L.A.* Name-calling: The Russian 'new Vocative' and its status // Perspectives on Language Structure and Language Change. Current issues in linguistic theory 345. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2019. P. 381–394.
38. *Плотникова А.М.* Вокативность как словарная и прагматическая характеристика слова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 2. С. 58–65.
39. *Балакай А.А.* Этикетные обращения: Функционально-семантический и лексикографический аспекты : автореф. дис. ... канд. філол. наук. Новокузнецк, 2005. 22 с.

40. Фуфаева И.В. Экспрессивные диминутивы в условиях конкуренции с нейтральными существительными : дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 258 с.
41. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
42. Barnett H.G. Innovation: The Basis of Cultural Change. New York : McGraw-Hill Book Company, 1953. 462 p.
43. Баталов А.А., Огуречникова Н.Л. Особенности русского речевого этикета XX века // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2018. № 2(80), ч. 2. С. 285–290.
44. Bańko M. Jak opracować słownik afektonimów? URL: <https://docplayer.pl/106782527-Jak-opracowaac-słownik-afektonimow.html> (дата обращения: 28.05.2021).
45. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge, 1987. 345 p.
46. Каминьска А. О способах выражения суффиксальными существительными со значением лица (на материале деловой письменности XVII века) // Стил. 2006. С. 129–136.
47. Фуфаева И.В. Метафора малого: русские диминутивы. М. : ПГТУ, 2020. 270 с.
48. Опачанова А., Добрушина Н. Мама // Два века в двадцати словах. М., 2016. С. 72–92.
49. Еськова Н.А. Ма́ма, па́па – мама́, папа́: (О знаке ударения) // Русская речь. 2004. № 2. С. 121–122.
50. Виноградов В.В. Семнадцатитомный академический словарь современного русского литературного языка и его значение для советского языкознания // Вопросы языкознания. 1966. № 6. С. 3–26.
51. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. М. : Русский язык, 1994.
52. Gomes de Matos F. Harmonizing and humanizing political discourse: The contribution of peace linguists // Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology. 2000. № 6 (4). P. 339–344.

Affectonyms: Semantics, Pragmatics, and Cultural Linguistics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2021. 73. 18–37. DOI: 10.17223/19986645/73/2

Valerii A. Efremov, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: valefu@yandex.ru

Keywords: affectonym (affectionate vocatives), vocative, diminutives, etiquette, cultural linguistics.

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, Project No. 20-112-50096.

The article analyses Russian affectonyms (affectionate vocatives) as an important part of emotive vocabulary, speech etiquette, and linguistic worldview. Affectonyms are a unique phenomenon of the language system. Despite their high level of intimacy, they indicate not only a tight circle of close people (lovers, married couples, parents and children), but also everyday communication between acquaintances and, occasionally, strangers. The main pragmatic goal of affectionate vocatives is to form the favorable climate of trust and mutual understanding. The analysis of affectonyms as universal and ideo-ethnic entities is based on the concepts of modern East European linguists. There are some basic universal characteristics of affectonyms: (1) they have a high degree of expressiveness sometimes revealed only in the diachronic aspect; (2) from a historical perspective, they are a product of melioration of lexical meaning; (3) they demonstrate the emotigenity as the ability to evoke an emotional state in a recipient; (4) the range of their pragmatic meanings is extremely wide; (5) they implement phatic and appellative functions of language. The analysis of the data of the Russian National Corpus allows to drawing a number of conclusions about additional semantic and

pragmatic meanings of affectonyms, including the following: affection, familiarity, condescension, irony, reproach, soft and extreme aggression. The detailed comparative analysis of the *Dictionary of Russian Speech Etiquette* by A.G. Balakay and the data of the Russian National Corpus reveals some unique features of Russian affectonyms: (1) they have rich word derivation, especially due to diminutive forms; (2) they are closely related to the traditional linguistic picture of the world, which is sometimes quite obscure for native speakers; (3) they always reflect the rules of etiquette of a particular time; (4) they have gender specification, represented by gender neutral/specific and gender fluid (diachronically) names; (5) they are actively used for creating ironic senses. The findings suggest that this research could also be useful for a future study into a new linguistic direction (Peace Linguistics), which is part of the interdisciplinary Peace Studies.

References

1. Friedrich, P. (2007) English for peace: Toward a framework of peace sociolinguistics. *World Englishes*. 26 (1). pp. 72–83.
2. Curtis, A. (2018) Re-defining Peace Linguistics: Guest Editor's Introduction. *TESL Reporter*. 51 (2). pp. 1–9.
3. Crystal, D. (1999) *A dictionary of language*. Chicago: The University of Chicago Press.
4. Formanovskaya, N.I. (2002) *Rechevoe obshchenie: kommunikativno-pragmaticheskiy podkhod* [Verbal communication: a communicative-pragmatic approach]. Moscow: Russkiy yazyk.
5. Formanovskaya, N.I. (2006) *Russkiy rechevoy etiket: lingvisticheskiy i metodicheskiy aspekty* [Russian speech etiquette: linguistic and methodological aspects]. Moscow: URSS: KomKniga.
6. Gol'din, V.E. (2009) *Obrashchenie: teoreticheskie problemy* [Address: theoretical problems]. Moscow: URSS.
7. Balakay, A.G. (2001) *Slovar' russkogo rechevogo etiketa* [Dictionary of Russian speech etiquette]. Moscow: AST-Press.
8. Perlin, J. & Milewska, M. (2000) Afektonimy w polskim, francuskim, hiszpańskim i niderlandzkim. Analiza morfologiczna i semantyczna. *Acta Universitatis Wratislaviensis. Język a kultura*. 14. pp. 165–173.
9. Clancy, B. (2016) *Investigating Intimate Discourse: Exploring the spoken interaction of families, couples, and friends*. London: Routledge.
10. Wolnicz-Pawłowska, E. (1997) Przezviska intymne w najnowszej polszczyźnie. Cz. 1. Affective. *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie* 7. *Prace Językoznawcze*. 1. pp. 71–93.
11. Wolnicz-Pawłowska, E. (1998) Przezviska intymne w najnowszej polszczyźnie. Cz. 2. Afektonimy i przezviska rzadkie. Cz. 3. Słowotwórstwo. *Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Olsztynie* 12. *Prace Językoznawcze*. 2. pp. 102–114.
12. Wojciechowska, A. (2017) Afektonimy jako przedmiot badań lingwistycznych (na materiale listów Wojciecha Kossaka do żony). *Stylistyka*. XXVI. pp. 291–304.
13. Larchenkova, E.V. (2015) Address and appeal as speech acts (by the material of the French language). *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 5. pp. 125–130. (In Russian).
14. Trofimova, N.A. (2014) Affective vocatives: derivational aspect. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*. 1. pp. 95–103. (In Russian).
15. Leont'eva, L.E. (2011) Emotional and evaluative characteristics of vocative statements in discourse. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*. 3 (218):50. pp. 89–92.
16. Marlena, A.S. (2017) *U lyubvi ne odno imya: ob affektonimakh v yazyke russkoy i pol'skoy molodezhi* [Love has more than one name: about affectonyms in the language of Russian and Polish youth]. Master's thesis. Sosnovets.

17. Grigorash, S.M. (2013) Leksika intimnoi sferi zhittya lyudini (nominatsii osib): strukturno-semanticzni osoblivosti [Vocabulary of the intimate sphere of human life (nominations of persons): structural and semantic features]. *Visnik Zhitomir'skogo derzhavnogo universitetu*. 6 (72). pp. 261–265.
18. Mygovych, I.V. (2013) Secondary nomination in the modern English language: affective lexical units. *Visnik LNU imeni Tarasa Shevchenka*. 3. pp. 206–214.
19. Gnat, N.G. (2014) [Affectonyms in the communication of lovers: means of expression and features of use (based on the epistolary of Ukrainian writers of the 20th century)]. *Tezi dopovidey VII Regional'noi naukovoï konferentsii* [Abstracts of the VII Regional Conference]. Kharkiv: KhNU im. V.N. Karazina. pp. 12–14. (In Ukrainian).
20. Moklyak, O.I. (2015) *Lingvopragmaticzni kharakteristiki ukraïns'kikh afektonimiv* [Linguopragmatic characteristics of Ukrainian affectonyms]. Philology Cand. Diss. Kyiv.
21. Moklyak, O.I. (2017) Morfologichni zasobi posilennya vplivovogo efektu afektonimiv [Morphological means of enhancing the influential effect of affectonyms]. *Lingvistichni doslidzhennya*. 45. pp. 91–96.
22. Bańko, M. & Zygmunt, A. (2010) *Czule słowa. Słownik afektonimów*. Warszawa: PWN.
23. Rudyk, A. (2013) O afektonimach w języku polskim i rosyjskim. *Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica*. 9. pp. 89–98.
24. Mosolova, G.P. (2018) Problema vyrazheniya obrashcheniy v usloviyakh sovremennoy rechevoy deystvitel'nosti [The problem of the expression of appeals in the conditions of modern speech reality]. In: *Aktual'nye problemy sovremennoy metodiki prepodavaniya russkogo yazyka v shkole i vuze* [Topical issues of modern methods of teaching the Russian language at school and university]. Saransk: [s.n.]. pp. 308–312.
25. Risinzon, S.A. (2009) Sistema etiketnykh deystviy semeynogo obshcheniya [System of etiquette actions of family communication]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 29–36.
26. Staroń, J. (2013) Afektonimy w najnowszej polszczyźnie. *Roczniki Humanistyczne*. 61 (6). pp. 109–119.
27. Cieslikowa, A. (1998) Miejsce przezwiska w systemie antroponimicznym (historia a współczesność). *Przewiska i przydomki w językach słowiańskich*. Cz. 1. pp. 71–80.
28. Glušac, M. & Mikić Čolić, A. (2018) Linguistic functions of the vocative as a morphological, syntactic, and pragmatic-semantic category. *Jezikoslovlje*. 18. pp. 447–472.
29. Olma, M. (2014) *Językowo-kulturowy obraz arystokratycznej rodziny polskiej drugiej połowy XIX wieku na podstawie korespondencji familijnej Heleny i Mieczysława Pawlikowskich*. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Pedagogicznego im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie.
30. Leisi, E. (1978) *Paarsprache. Linguistische Aspekte der Zweierbeziehung*. Heidelberg: Quelle und Meyer.
31. Nikitin, M.V. (1997) *Kurs lingvisticheskoy semantiki* [Linguistic Semantics Course]. St. Petersburg: Nauchnyy tsentr problem dialoga.
32. Brutyan, L.G. (2014) Cultural code of a compliment. *Kognitsiya, kommunikatsiya, diskurs – Cognition, Communication, Discourse*. 8. pp. 8–19. (In Russian).
33. Shmelev, A. (2020) Russian language-specific words in the light of parallel corpora. In: Bromhead, H. & Ye, Zh. (eds) *Meaning, Life and Culture in conversation with Anna Wierzbicka*. ANU Press. pp. 403–421.
34. Jurafsky, D. (1996) Universal Tendencies in the Semantics of the Diminutive. *Language*. 72 (3). pp. 533–578.
35. Wierzbicka, A. (1992) *Semantics, Culture, and Cognition: Universal Human Concepts in Culture-Specific Configurations*. New York: Oxford University Press. pp. 225–307.
36. Felecan, O. & Felecan, D. (eds) (2014) *Unconventional Anthroponyms: Formation Patterns and Discursive Function*. Cambridge University Press.
37. Janda, L.A. (2019) Name-calling: The Russian 'new Vocative' and its status. In: Heltoft, L. et al. (eds) *Perspectives on Language Structure and Language Change. Current issues in linguistic theory 345*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. pp. 381–394.

38. Plotnikova, A.M. (2015) Vocativity as dictionary and pragmatic characteristic of a word. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 2. pp. 58–65. (In Russian).
39. Balakay, A.A. (2005) *Etiketnye obrashcheniya: Funktsional'no-semanticheskiy i leksikograficheskiy aspekty* [Etiquette addresses: Functional-semantic and lexicographic aspects]. Abstract of Philology Cand. Diss. Novokuznetsk.
40. Fufaeva, I.V. (2017) *Ekspressivnye diminutivy v usloviyakh konkurentsii s neytral'nymi sushchestvitel'nymi* [Expressive diminutives in competition with neutral nouns]. Philology Cand. Diss. Moscow.
41. Arutyunova, N.D. (1998) *Yazyk i mir cheloveka* [Human language and world]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury.
42. Barnett, H.G. (1953) *Innovation: The Basis of Cultural Change*. New York: McGraw-Hill Book Company.
43. Batalov, A.A. & Ogurechnikova, N.L. (2018) The peculiarities of the Russian speech etiquette of the XX century *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2(80):2. pp. 285–290. (In Russian).
44. Bańko, M. (2021) *Jak opracowas słownik afektonimów?* [Online] Available from: <https://docplayer.pl/106782527-Jak-opracowaae-s3ownik-afektonimow.html> (Accessed: 28.05.2021).
45. Brown, P. & Levinson, S. (1987) *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge University Press.
46. Kamin'ska, A. (2006) O sposobakh vyrazheniya ekspressivnosti suffiksál'nymi sushchestvitel'nymi so znacheniem litsa (na materiale delovoy pis'mennosti XVII veka) [On the ways of verbalizing expressivity by suffix nouns with the meaning of a person (based on business writings of the 17th century)]. *Stil*. pp. 129–136.
47. Fufaeva, I.V. (2020) *Metafora malogo: russkie diminutivy* [Metaphor of the small: Russian diminutives]. Moscow: RSUH.
48. Opachanova, A. & Dobrushina, N. (2016) Mama [Mother]. In: Dobrushina, N. & Daniel, M. (eds) *Dva veka v dvadtsati slovakh* [Two centuries in twenty words]. Moscow: HSE. pp. 72–92.
49. Es'kova, N.A. (2004) Ma'ma, pa'pa – mama', papa': (O znake udareniya) [Ma'ma, pa'pa – mama', papa': (About the accent mark)]. *Russkaya rech'*. 2. pp. 121–122.
50. Vinogradov, V.V. (1966) Semnadsatimnyy akademicheskii slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka i ego znachenie dlya sovetskogo yazykoznaniya [Seventeen-volume academic dictionary of the modern Russian literary language and its significance for Soviet linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya*. 6. pp. 3–26.
51. Chernykh, P.Ya. (1994) *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 volumes]. Moscow: Russkiy yazyk.
52. Gomes de Matos, F. (2000) Harmonizing and humanizing political discourse: The contribution of peace linguists. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 6 (4). pp. 339–344.